

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Галина ЛИ

ЭНДАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Галины Ли
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**СВОЯ ДОРОГА
ЭНДАНА**

Галина ЛИ

ЭНДАНА

Роман

Москва, 2011
ЭРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

От всего сердца благодарю друзей: писателей Диану Удовиченко, Софью Непейвода, Анну Денисенко, Марию Куприянову, Тимофея Григорьева, а также редактора Виктора Еремина. Именно ваши вера, поддержка, справедливая критика и помощь сделали эту книгу такой, какая она есть.

Автор

ГЛАВА 1

Широкая долина, зажатая меж двух хребтов, тонула в зелени лесов, разрезанных в разных направлениях лысыми лентами дорог. Одна гряда простиралась с севера на юг, огораживая равнину невысокими пологими горами, заросшими до самого верха лесом. Вторая — высокая, обрывистая, с вершинами, покрытыми ультрамариновыми ледниками, тянулась с запада на восток, деля материк на две части.

Именно у подножия северных отрогов на трех холмах вырос красивый город Награна, полный легких, украшенных резным известняком зданий. Центральный холм, подобно драгоценной тиаре, венчал узкими башнями белый дворец. С самой высокой башни дворца — Сторожевой — город открывался как на ладони, позволяя любоваться своими ровными, прямыми улицами, фонтанами и круглыми площадями.

Из парадной двери королевской резиденции, раскрытой навстречу летнему теплу, выбежала девочка лет шести в нарядном шелковом платье. Легкий ветерок мягко коснулся светлых локонов малышки, откинув их назад. Девочка, младшая дочь короля Аттиса Второго — хозяйина белого дворца и государства Эндана, встала на цыпочки и дотянулась подбородком до каменных перил, пытаясь рассмотреть, что происходит в королевском саду.

— Леа, дочка, ты где? Стрекоза моя, ты от меня прячешься? — догнал ее мягкий мужской голос.

Принцесса заулыбалась и спряталась за резным грифоном, поддерживающим каменную вазу, полную свежесрезан-

ных роз. Лукавая мордашка ребенка, изрядно чумазая, светилась от предвкушения игры.

— Где она может быть? Кто-нибудь видел мою маленькую фею? — В голосе слышалась привычная улыбка, эту фразу явно говорили не в первый раз.

Да, в общем-то, так оно и было: Леа, младшая дочь короля, любила прятаться от отца среди каменных скульптур террасы, а он, в свою очередь, получал немало удовольствия от неторопливых поисков шалуньи. Леа, даже не видя происходящего, хорошо себе представляла, как отец выходит на террасу, как притворяется, что не знает, где Леа прячется. Вот сейчас он подойдет и встанет рядом, а она выскочит из-за вазы с воплем к нему навстречу.

Пригнувшись пониже, девочка дождалась, когда голос раздается совсем близко, и с визгом кинулась к ногам короля. Его величество подхватил ребенка и высоко поднял на вытянутых руках.

— Детка, тебя мама заждалась. И Рива потеряла, а она хочет переодеть тебя к ужину. Скоро приедут гости, и моя дочь должна стать красивой принцессой.

— Я красивая. — Девочка нахмурила бровки.

— Красивая, но чумазая, так тебя ни один король не любит.

— Ну и не надо, я буду твоим советником и министром! — Принцесса, озорно прищурившись, скользнула вниз с отцовских рук.

Как легкий пушок, она понеслась вприпрыжку по коридору, залитому солнечным светом.

— Сир.

Король Энданы Аттис Второй оглянулся. Склонив голову в почтительном поклоне, рядом стоял секретарь Эрик, верно слушающий правящей династии вот уже тридцать лет.

— Посольство Варнабы прибыло, — торжественно оповестил секретарь.

— Хорошо. — Его величество вздохнул, понимая, что желанный отдых в компании супруги, возможно, не состоится, и уточнил: — Гостей уже разместили?

— Да, сир. В Северной башне. Возникла небольшая сложность с мм... верховыми животными, но ее решили.

— Спасибо, Эрик, знаю я их верховых. Опять на грифонах прибыли? Хорошо еще, что у правителя Варнабы нет ручных

драконов. — Государь Энданы усмехнулся, а потом приказал: — Встреча неофициальная, подготовьте малый зал. И чтобы никого лишнего.

— Да, сир. — Секретарь с поклоном удалился, оставив своего монарха стоять в задумчивости.

Варнаба...

Король нахмурился.

С этим государством они мирно сосуществовали уже больше века. Отношения были официально дружественные и касались в основном торговли. Ни разу еще за правление Аттиса посольство не посещало Эндану чаще одного раза в год.

Обычно министры обменивались длинными свитками договоров с установленными пошлинами, подарками и образцами новых товаров в начале лета. Как правило, на этом встречи на правительственном уровне заканчивались, а простые торговцы между собой договаривались всегда, причем быстро и с взаимной выгодой. Но последняя встреча состоялась всего месяц назад. Что-то у варнабцев произошло, раз просят о повторной аудиенции. Да еще без огласки и с ним лично.

Военный союз с Варнабой его величество не заключал — не было необходимости. Эндана граничила с небольшими мирными государствами, и свою силу ее правители показали еще сотню лет тому назад при прадеде Аттиса. В море, правда, встречались пираты, но на побережье они ступить не решались, знали, что длинная рука короля дотянется до них в случае нападения даже на Запретных островах.

С севера на юг, от подножия Ледяного хребта до берегов теплого Ийского моря, лежала плодородная земля Энданы. И если западные и восточные соседи у Аттиса тревоги не вызывали, то северная сторона внушала серьезные опасения — высокие горы скрывали страны, достоверных сведений о которых почти не было, только древние легенды, одна другой страшнее.

Клубились облака над заснеженными пиками, с грохотом срывался водопад Сверкающий с гигантской Отвесной скалы, хранившей подходы к леднику, и в осень напал, спускаясь с гор, мгlistый туман. Тайна северных земель оставалась многие века неразгаданной. Слухи о Загорных странах приносили гномы, но они не любили говорить на эту тему, твердили только о большом зле.

Конечно, короля тревожило, что он ничего не знает о далеких соседях, но с другой стороны, страны отделял друг от друга неодолимый ледник, носящий имя Прожорливый. Местрели сложили много баллад о смельчаках, ухотивших покорить его, но нет ни одной со счастливым концом. И еще — в скалах Ледяного хребта имелся подземный проход — туннель, пробитый неизвестно кем и в какие времена, но пользоваться им было невозможно, и далеко ли он тянулся — не ведал никто. Те же всезнающие гномы объясняли, что туннель защищают чары: в него можно войти, но нельзя выйти, по крайней мере, живому существу.

На всякий случай у входа в туннель еще лет триста назад выстроили небольшой форт, приписав к нему постоянный гарнизон, и организовали круглосуточную стражу.

Аттис Второй этот приказ отменять не стал. Кто знает, может, именно в его правление чары рухнут и в ворота постучат с той стороны.

Столица государства — Награна — располагалась на севере страны, и прекрасный, боги знают когда выстроенный, королевский дворец являлся главным ее украшением. Несмотря на то что он давно уже с трудом вмещал разросшиеся дворцовые службы, его величество не желал строить новую резиденцию: по легендам, стены старинных чертогов пропитывало древнее волшебство, хранившее его хозяев.

Монарх посмотрел на Сверкающий. Водопад, хоть и находился довольно далеко, хорошо просматривался с этой стороны дворца, и Аттис часто любовался им по вечерам, когда скала окрашивалась в оранжевый цвет, а падающая вода загоралась кровавыми бликами заходящего солнца.

Аттис сцепил руки за спиной и отрицательно качнул головой, словно давая ответ невидимому собеседнику.

Нет, проблемы Варнабы не связаны с загорным народом, что-то другое пригнало в неурочный час добропорядочных соседей. Возможно, все намного проще? У правителя Варнабы Хоса Первого есть два неженатых сына, а у Аттиса как никак — три дочери. Самая маленькая, конечно, не в счет, да и две других слишком молоды, но о династических браках принято договариваться за много лет вперед.

Король вздохнул — расставание с детьми, даже весьма отдаленное, не представлялось радужным событием, какие бы политические выгоды оно ни сулило.

— Сир, — размышления владыки Энданы снова прервал секретарь, — королева просила передать вашему величеству, что ждет вас.

Аттис улыбнулся и поспешил на встречу к любимой женщине, мысленно обещая себе, что никогда не принудит дочерей к немилому браку.

Не успели шаги утихнуть, как из-за дальней колонны показалась проказливая мордашка младшей дочери короля.

Значит, в малом зале!

Леа нахмурилась, в точности как отец.

Несомненно, она найдет, где спрятаться, если побежит немедленно!

Малый зал, предназначенный для неофициальных визитов, не удивлял роскошью, зато гости чувствовали себя в его уютных креслах вполне комфортно. Так же как и за большим столом, размеры которого убеждали в том, что визитеры не уйдут голодными.

Огромные окна пропускали много света в комнату, и он, проходя через стекла витражей, ложился причудливым цветным узором на мраморную мозаику пола, веселя души людей.

Но раньше очередных гостей и даже раньше служанок, обязанных провести последние приготовления, в зал проник незваный гость, которому полагалось находиться совсем в другом месте. Тяжелая ткань портьер, украшенная искусным золотым шитьем, колыхнулась, мелькнула маленькая нога в атласном башмачке: за занавесью завозился невидимый шпион, устраиваясь для долгого ожидания.

Принцессе нравилось играть в разведчиков, которые стояли на службе у дяди Риккведа, младшего брата короля. Такие серьезные, в темных плащах, они изредка появлялись во дворце, чтобы потом надолго пропасть, оставив за собой пряный аромат леса и далеких стран.

Двигались воины с бесшумной грацией хищников, и как ни пыталась девочка, ей так и не удалось подобраться послушать — о чем они разговаривают с ее отцом или дядей. Зато во всех остальных случаях... Трудно сосчитать, сколько раз принцесса незаметно присутствовала на тайных заседаниях!

В общем-то скучное занятие: разговоры взрослых такие обыденные и такие долгие, что пару раз принцесса засыпала в своих тайниках.

Девочка снова завозилась в сомнении: может, лучше побе-

жать на конюшню и посмотреть, как устраивают грифонов? А если удастся — погладить их.

Леа уже приготовилась выбраться, но drobный топот множества пар башмаков заставил ее снова замереть. В зал впорхнула стайка служанок, а за ними проковыляла, шаркая косолапыми ногами, степенная нянюшка Рива — бессменная насадка подрастающих детей Аттиса. Она отлично знала характер своей воспитанницы и где стоит ее искать.

С сокрушенным видом, не переставая ворчать, няня принялась осматривать возможные укрытия, не поленившись встать на колени и заглянуть под диван.

Леа затаила дыхание: если ее найдут, то прощай конюшня! Старуха сразу потащит свою подопечную мыться, и тогда она, конечно, пропустит самое интересное.

А няня подходила все ближе и ближе: вот она уже отдернула соседнюю портьеру...

Но тут, к счастью для ее высочества, уборка закончилась, служанок в срочном порядке выпроводили вон, и Риве пришлось уйти вместе с ними, освободив зал для благородных гостей.

Девочка осторожно раздвинула портьеру, чтобы видеть комнату. Массивные двустворчатые двери распахнулись, и в залу вошли в сопровождении секретаря степенные темнобородые мужчины в длиннополой одежде.

Вздых глубочайшего разочарования вырвался у принцессы, и она торопливо прихлопнула рот ладошкой — Леа узнала этих мужчин. В прошлый раз они очень долго и нудно вели разговор с министром торговли о товарах и пошлинах. Это было так скучно, что принцесса в конце концов заснула в своем тайнике. А няня подняла из-за пропажи воспитанницы настоящий переполох, и девочке здорово досталось от мамы.

Да, лучше пойти на конюшню!

Леа уже хотела выскочить, но вошел отец. Путь к отступлению оказался отрезан.

* * *

— О, величайший из королей. — Послы правителя Варнабы дружно согнули спины в низком поклоне. — Да простит нас солнцеликий Хаар за недостойное поведение рабов его,

явившихся искать вашей милости в столь неурочный час по воле злого рока.

Послы поклонились еще ниже, сложившись почти пополам.

— Многие века дружбы между нашими странами оставляют нам надежду на великодушные мудрейшего из королей, — теперь голоса послов звучали сдавленно: трудно нормально говорить, если спина скручена в бараний рог.

Только природная сдержанность позволила Аттису не показать удивления — никогда еще на его памяти послы Варнабы не отступали от своих, утвержденных «божественными свитками», церемоний. Их бесконечно длинные, полные цветистых иносказаний приветствия вызывали нервную зевоту у подданных Аттиса и служили отличным поводом для шуток. Соблюдение этикета являлось неотъемлемой частью натуры любого жителя Варнабы, казалось, они впитывали его с молоком матери.

Видно, тревожные новости принесли неожиданные гости, раз решили отойти от своих традиций.

— Я принимаю извинения, несомненно, у вас веская причина просить срочной аудиенции.

После этих слов варнабцы разогнулись, но до конца не выпрямились, став похожими на вторую руну энданского алфавита. Его величество подавил вздох, поймав себя на мысли, что не прошло и пяти минут, а он уже устал от показного подобострастия.

Король сел за стол, жестом пригласив гостей последовать его примеру. Однако послы, вопреки ожиданиям, не спешили присоединиться к правителю, а в нерешительности топтались на месте и переглядывались. Наконец один из них осмелился сказать:

— О король, всему миру известно — ваше милосердие больше Великого океана, но мы не имеем на него права. Ведь, к нашему неискупимому позору, мы принесли дурные вести!

Варнабец снова замолк, потупив взгляд. Аттис Второй нетерпеливо махнул рукой, требуя продолжения.

— Цветущая Варнаба, родина наших отцов и детей, завоевана. Крылатые любимцы Солнцеликого, способные лететь быстрее ветра, спасли нас от этой орды нечестивой саранчи. Но теперь она двигается к вашим границам. О благороднейший и мудрейший из королей, мы смиренно просим убежища и умоляем сохранить наши жизни!

Правитель Энданы невольно поморщился: он всегда считал, что закон Варнабы, позволяющий казнить гонцов с плохими вестями, — верх дикости. Но новости действительно не радовали.

— Садитесь! — приказал Аттис. — Рассказывайте!

Несчастные беженцы торопливо выполнили повеление короля и, едва сдерживаясь от переполнявших их чувств, поведали о неожиданной беде, свалившейся на головы жителей Ванабы. И чем дольше слушал подданных Хоса король, тем тревожнее ему становилось.

Всего несколько недель тому назад через южную границу Варнабы со стороны моря вторгся неизвестный народ. За одну ночь прибрежные города оказались во власти завоевателей.

Основу чужеземной дружины составляли женщины. Женщины, ни в чем не уступающие, да что там, превосходящие в воинском мастерстве, ловкости и доблести самых лучших мужчин-воинов Хоса. Они отлично ориентировались на местности, знали слабые места укрепленных городов, численность, количество и расположение войск Варнабы.

Попытки царя дать достойный отпор завоевателям ни к чему не привели, и неделю тому назад столица пала. Послам удалось бежать чудом, только благодаря тому, что грифоны из царской конюшни остались по возвращении дипломатов у них дома. Даже используя невероятные возможности благородных животных, беглецам пришлось передвигаться и днем и ночью, останавливаясь лишь для того, чтобы накормить грифонов и дать им отдохнуть. Послы считали, что опередили чужеземцев не более чем на две недели.

Что творится на завоеванной территории, варнабцы не знали, но видели, как большие отряды чужестранцев двигаются к границам Энданы. И конечно же послы верили в бесстрашных воинов и бесконечное могущество Аттиса Второго. В то, что он остановит эти исчадия ада, эти богомерзкие существа, недостойные называться словом «женщина»! Они смиренно просили высочайшей монаршей милости и убежища.

В завершение рассказа послы сползли со стульев и упали на колени, слаженно, с усердием припечатавшись лбами к полу.

Аттис выразительно повел бровью — повинуюсь безмолвному приказу, секретарь бросился поднимать гостей.

— Можете считать, что убежище предоставлено. Слуга

проводит вас в отведенные покои. Пока оставайтесь во дворце, возможно, у меня или его светлости Риккведа появятся к вам вопросы. — Король встал, давая понять, что встреча закончена.

Послы, еще раз поклонившись, попятились к дверям. Один из варнабцев замялся на выходе.

— Ваше величество, Ослепительный Хаар, объезжающий небо на золотом коне, еще не видел такого справедливого правителя. Мы просим принять в дар, как благодарность за оказанную милость, единственную ценность ваших преданных рабов — быстрокрылых грифонов.

Послы снова отвесили поклоны, на этот раз до самого пола, и ушли в сопровождении слуги. Король вздохнул, тяжело опустил в кресло и приказал:

— Эрик, позови маршала и командира «невидимых».

Секретарь тут же исчез за дверью. Его величество кинул внимательный взгляд в сторону окна и, обращаясь к колыхнувшейся портъере, произнес:

— Леа, если ты сейчас же не выйдешь, наказывать тебя буду я, а не мама!

* * *

Спокойный голос отца подействовал на девочку как ушат холодной воды. Ее высочество, виновато вздохнув, выбралась из-за портъеры.

Нет, ну как не везет! Конечно, до отца донесся ее судорожный вздох, когда она услышала о грифонах, и теперь начинается самое интересное, а ее выпроводят! Хорошо, если не влетит за проделку.

Леа осторожно заглянула в глаза отцу и встревожилась. Никогда еще он не смотрел на нее так серьезно и грустно.

— Папа, я больше не буду. Правда, не буду, я обещаю! — торопливо выдохнула Леа, глядя на отца широко распахнутыми глазами.

Аттис притянул к себе дочку, поцеловал ее в теплые кудрявые волосы.

— Детка, беги к маме, считай это приказом, и передай ей, что я задержусь.

Девочка, кивнув, пошла к дверям, то и дело оглядываясь. Уже выходя из зала, она столкнулась с высоким человеком в

серо-зеленом плаще и снова замерла со смешанным чувством восхищения и досады.

Командир «невидимых»! Сейчас начнется все самое интересное, а ей уже не узнать! Ну как она могла так глупо выдать себя!

Мужчина улыбнулся, неуловимым движением фокусника сунул в ладошку Леа несколько крупных лесных орехов и слегка щелкнул девочку по носу.

С восторженным вскриком ее высочество, зарывшись в складки плаща мужчины, повисла на его сильной руке:

— Рикки! Как я рада тебя видеть!

Рикквед подхватил племянницу на руки:

— А уж как я рад видеть самую очаровательную девушку Энданы!

Леа уже успела освободить руки, рассыпав орехи по карманам, и, обхватив ладошками лицо воина, удерживала его таким образом, чтобы Рикквед ни в коем случае не мог глядеть мимо нее.

— Нам подарили грифонов, ты пойдешь со мной в конюшни? — подняла вверх бровки девочка, не сводя с дяди умоляющего взгляда.

— Хоть на край света, дорогая, но сначала мне надо поговорить с твоим папой.

— Вот так всегда. — Ее высочество, насупившись, сползла с рук дядюшки. — Сначала поговоришь с папой, а потом тебя снова месяц не увидишь!

— Леа! Ты куда-то шла? — Голос отца заставил девочку сморщить нос и сделать шаг в сторону. — Оставь в покое дядю и найди, наконец, маму!

На этот раз сердитый тон привел к желаемому результату: непоседливый ребенок послушался, оставив взрослых наедине для серьезного разговора.

* * *

Рикквед Веллайн, младший брат короля, с улыбкой смотрел вслед убегающей племяннице.

— Знаешь, Атгис, порой я тебе завидую.

— А ты женись, сразу перестанешь: обзаведешься наследниками, красавицей женой и, наконец, успокоишься. Или ты про корону говоришь?

Командир «невидимых» отмахнулся:

— Избавь меня, Среброкрылая Итта, от такой обузы, как корона, да и от женитьбы заодно. Я не могу сделать столько женщин... несчастными.

— Ну естественно, как же они без твоей любви. Пожалуй, мне даже придется отдельным приказом оставить тебя пожизненно в холостяках. Иначе мой двор в один день лишится доброй половины красавиц, утонувших в слезах от безысходности, — с совершенно серьезным видом кивнул Аттис. — А я, как добрый правитель, этого допустить не могу.

Братья переглянулись и рассмеялись — любвеобильность Риккведа уже давно стала притчей во языцех всего королевства, заставляя скрежетать зубами не одного рогоносца.

— Ладно, а теперь о деле, — посерьезнел король и вопросительно посмотрел на брата. — Тебя Эрик нашел или ты сам с новостями?

— Ты про Варнабу?

— Уже в курсе?

— Мои люди принесли эту новость сегодня, а ты откуда узнал? От послов? — поинтересовался его высочество и, заметив взгляд короля, ответил на невысказанный вопрос: — Я видел грифонов в небе, когда подъезжал к Награне.

Аттис, кивнув, счел нужным уточнить:

— От бывших послов. — А потом спросил: — Так что скажешь?

Рикквед, сев в кресло, вытянул длинные ноги и в задумчивости поскреб гладко выбритый подбородок.

— Пока информации немного, но она продолжает поступать — мои люди отправляют голубей в дорогу, как только узнают что-то полезное. Впрочем, уже известного достаточно, чтобы сориентироваться. — Его высочество полез в карман, выудил с десятков плотно исписанных клочков бумаги, положил их на стол перед братом и продолжил рассказ: — Захват страны начался одновременно с побережья и с восточной границы. Наступление оказалось стремительным и неожиданным, большая часть городов пала без боя — ворота открывали ночью, предварительно вырезав гарнизон. Сражаются чужеземцы хорошо, я бы даже сказал — отчаянно. Основной состав действительно женщины, но есть и мужчины. Практически все конные. Кому не хватало лошадей, разжились у побежденных.

— Они грабят?

— Нет, берут все под свой контроль. Мирное население без нужды не трогают, но смуту пресекают в корне. Царская казна уже в их руках, как и имущество высшей знати. В городах оставляют наместников, свой гарнизон и сразу заселяют. Воевать умеют все, даже дети. Аттис, у меня сложилось впечатление, что неизвестный нам народ, в силу каких-то причин стронувшийся с насиженного места, выбрал для поселения Варнабу.

Его величество нахмурился:

— К нам они тоже полезут? Варнаба маловата показалась?

— Пока не знаю, Аттис. Не уверен. С нами они действуют по-иному: большое войско, не таясь, движется по направлению к Ирильским холмам.

— К холмам, говоришь? Значит, немного времени у нас есть. Сдается мне, что с нами они действительно будут воевать по-другому. Хотя...

Аттис взглянул на брата, и тот, поняв невысказанный вопрос, поспешил ответить:

— Нет, в приграничных лесах тихо.

— Ваше величество...

В комнату вошел уверенной походкой воина мужчина лет сорока. Загорелое лицо, уже изборожденное первыми глубокими морщинами, пересекал шрам, тянущийся через щеку от виска до подбородка.

Аттис скользнул взглядом по вновь прибывшему.

— Светоний, мы вас заждались. Присоединяйтесь.

Маршал кивнул, расстелил на столе карту и вопросительно посмотрел на короля.

Его величество, аккуратно отогнув завернувшийся угол бумаги, мрачно бросил:

— Ну, приступим, господа!

* * *

Ее величество супруга правителя Энданы Аттиса Второго королева Роанна нервничала. У нее с утра все шло наперекосяк.

Во-первых, ей не дали выспаться. Точнее — не дали приятно завершить так удачно начатое утро под предлогом внезапно возникших неотложных государственных дел.

Во-вторых, повторно нарушили покой их величеств уже после обеда и снова под предлогом все тех же неотложных дел.

В-третьих... Сегодняшний вечер тоже, похоже, не удастся: слуги вместе с придворными дамами до сих пор не смогли отыскать ее двух младшеньких и привести их в божеский вид к началу торжества.

Само торжество Роанну тоже нервировало: ну не любила она эти помпезные балы!

Королева мрачно посмотрела на себя в зеркало, перед которым ее держали уже второй час, одевая и причесывая. Больше всего ее величество злило, что супруг просто и незастойливо скинул на нее обязанность быть символом королевской власти на первом же балу сезона!

— Мама! Мама!

В комнату влетели, пихая друг друга локтями, принц Эдвин и принцесса Леа. Эта дружная парочка умудрялась доставлять королеве и няням столько хлопот и тревог, сколько не могли доставить все остальные дети, вместе взятые. Вот и сегодня, мало того, что их искали уже полтора часа, так еще они и нашлись в таком виде, что нет слов. Принц явно провел все это время на конюшне, притом скрывался он от слуг, по-видимому, перебираясь ползком из одного денника в другой. А принцесса, похоже, подмела платьем и волосами все пыльные углы дворца.

Нет, определенно надо устроить выволочку слугам за нерадивость: где же это видано, чтобы во дворце можно было найти столько пыли и паутины!

Маленькие негодники тайфуном пронеслись по залу и повисли на матери с двух сторон.

— Я первый, первый успел!

— Нет, я!

— Сейчас я успею первая, притом обоим одновременно! — пообещала королева. — Если через минуту вы не будете в ванной, а через полчаса — рядом со мной одетыми и причесанными!

Она успела увидеть, как Леа показала брату язык, а он ей в ответ кулак, и дети снова рванули уже в сторону своих комнат.

— Я тебя все равно обгоню!

— Не успеешь!

— Вот увидишь!

Наконец голоса и топот детей затихли, королева повернулась к зеркалу и только тогда заметила постигшую ее катастрофу: ослепительно-белое платье, в которое Роанну старательно облачали в течение тридцати минут, после горячих объятий их высочеств украсилось отпечатками грязных рук. А тут еще неожиданно вернувшаяся дочь срывающимся от быстрого бега голосом возвестила:

— Папа просил передать, что он немного задержится и чтобы бал начинали без него!

Королева страдальчески закатила глаза, ее лучшая подруга, а по совместительству первая фрейлина, понимающе хмыкнув, пошла за другим нарядом.

* * *

В королевский дворец стекались гости. Первый бал сезона, который проводили в самом начале осени, являлся большим смотром невест, официальным представлением новоприбывших ко двору, возможностью дамам блеснуть новыми нарядами и просто веселым праздником.

Залы сияли, залитые светом гномьих огней, раскрывая перед гостями все свое пышное великолепие. Шум от множества голосов, похожий на морской прибой, то становился громче, то неожиданно стихал — гости с минуты на минуту ожидали появления государя, его супруги, наследника и прочих отпрысков.

Королева в это время проводила последний смотр семьи перед выходом: по этикету, на первый бал в сезоне монархи выводили даже малышей королевской крови. Так правящая династия выказывала благосклонность к своим подданным.

Старшему сыну и официальному наследнику престола Герэту в этом году исполнялось восемнадцать лет. Высокий, красивый, хорошо сложенный юноша вот уже два года являлся самым завидным женихом Энданы, предметом тайных вздыханий многих юных прелестниц, и уступал в успехе у дам, пожалуй, только своему дяде Риккведу. К счастью для королевской четы, старший сын унаследовал помимо внешности и характер своего отца. То есть был спокойным, сдержанным в эмоциях, обладал повышенным чувством ответственности, а совершенствование воинского мастерства его по-

ка интересовало больше, чем женщины. И еще он просто обожал свою младшую сестру, принцессу Леантину, которую близкие ласково называли Леа. Сейчас Герэт вызвался заменить отсутствующего отца, чему королева очень радовалась — это давало ей возможность улизнуть с утомительного праздника пораньше.

Рыжеволосой Кэтлин уже исполнилось пятнадцать лет, и она старалась вести себя по-взрослому, подражая придворным дамам. Энн, родившаяся позже сестры на два года, во всем копировала ее поведение.

Обе принцессы уже вступили в тот возраст, когда девочки начинают тщательно заботиться о внешности и строить глазки молодым людям, так что их поведение на балу было легко предсказуемым. А «попить крови» окружающим принцессы успели еще во время подготовки к празднеству, когда им шили наряды. Правда, даже это не шло ни в какое сравнение с теми неприятностями, что могли преподнести малыши, которые ухитрились с успехом удирать даже от целой армии нянек.

Ее величество, прищурившись, окинула критическим взглядом самых младших членов семьи. Головная боль королевы Роанны — Эдвин и Леа — сейчас походили на двух ангелочков: худенькие, золотоволосые, они отличались только цветом глаз. Эдвин унаследовал его от матери — темно-серый, а сестре достался ярко-синий, как у отца.

Их высочества были погодками: Эдвину уже исполнилось восемь лет, а Леантине через неделю отпразднуют семь. Малыши, тщательно отмытые и одетые, стояли в сторонке и о чем-то горячо перешептывались. Глядя на плутовские мордашки младших детей, ее величество поняла — парочку необходимо срочно разлучить! Иначе не миновать непредвиденных развлечений.

На прошлогоднем балу Эдвин и Леа умудрились раздобыть безобидную в общем-то болотную крысу. К сожалению, когда зверек пугался, он выстреливал из желез удивительно вонючую, несмываемую жидкость. Выпустили маленькие негодники крысу, понятное дело, среди дам.

Для ее величества до сих пор оставалось загадкой, где могло уместиться в мелкой зверушке столько пахучего вещества!

В результате этой «милой» шалости праздник пришлось срочно переносить в сад, зал закрыли на два месяца. С десятка придворных нескольких недель отсиживались по своим

покоюм. И на весь сезон в моду вошли духи с плотным, насыщенным ароматом, от которого у королевы болела голова.

— Герэт, — Роанна поманила пальцем старшего сына, — ты не мог бы проследить за этой проказницей? А Эдвина я возьму на себя.

Герэт, понимающе усмехнувшись, торжественно протянул руку младшей сестре:

— Леа, не откажешься побыть моей дамой сердца сегодня вечером?

Девочка, вздохнув, с тоской посмотрела на Эдвина.

— Она уже моя дама! — попытался выручить свою подругу принц.

— Две дамы для одного вечера многовато, ты не находишь? — покачал в ответ головой старший брат.

Мальчик оглянулся и увидел рядом улыбающуюся мать. Ему ничего не оставалось, как протянуть ей руку.

Королева удовлетворенно осмотрела свое семейство — теперь есть шанс на спокойное завершение вечера!

* * *

Леа тихо сползла с высокой кровати, на цыпочках, стараясь не шуметь, прокралась к двери, ведущей в коридор, и подергала ручку.

Закрты! Значит, придется лезть к Эдвину через балкон. Хорошо, что комнаты рядом!

Принцесса выбралась из спальни, прихватив с собой не раз выручавшую в подобных случаях учебную доску, и перекинула ее мостиком через мраморные бортики балкона. А затем, поставив табурет, путаясь в длинном подоле ночной рубашки, перебралась по сооруженному «мосту», стараясь не смотреть вниз и не думать о возможном наказании.

Если кто-нибудь увидит этот трюк, принцессе так достанется! Притом за дело: ведь самой меньшей из бед, грозящих безрассудной проказнице в случае падения, были бы переломанные кости.

С успехом преодолев все трудности и очутившись на той стороне, Леа спрыгнула, аккуратно спустила крашеную деревяшку, чтобы не попалась няне на глаза, а затем на четвереньках подобралась к двери. Тонкая шелковая занавесь колыхнулась от свежего ветерка, и принцесса увидела брата,

мирно посапывающего и видящего, вероятно, уже десятый сон.

— Эдвин, ты что, спишь?! — Возмущению девочки не было предела.

— Тихо! Почему задержалась? — подняв голову, прошептал в ответ Эдвин.

Он откинул одеяло, и Леа увидела, что брат полностью одет и даже в башмаках.

— Рива не уходила. И платье мое унесла! — пожаловалась принцесса, осторожно продвигаясь вглубь комнаты.

Ходить в детской Эдвина следовало с опаской, иначе в самый неподходящий момент можно было завопить от боли, наступив босой ногой на оловянного солдата в остром шлеме или на зубчатый гребень серебряного дракона. Принц часто выставлял их перед сном на ковер «для защиты».

Эдвин хмыкнул, сочувствуя, — вредная все-таки у его сестры няня. Леа тем временем деловито выудила из-под пуховой перины сверток с одеждой. Штаны и рубашка брата уже не раз выручали непослушного ребенка. Правда, ходить приходилось босиком — из башмаков его высочества маленькая нога принцессы выскальзывала. Ну да ничего — еще не холодно.

Девочка торопливо принялась одеваться, что, впрочем, не мешало ей говорить:

— А тебя случайно не закрыли?

— Я сегодня ключ запасной стащил! — довольно похвастался Эдвин.

— А от конюшен?

— Не получилось, но в дальнем деннике щеколда на окне откручена. И еще я курицу жареную припрятал.

— А у меня только яблоко.

Перешептываясь, дети рассовали оставленную с ужина еду по карманам и открыли дверь.

Свечи и часть гномьих огней уже потушили, в коридорах и залах, примыкающих к спальням их высочеств, царил полумрак.

Две маленькие незаметные тени скользнули вдоль стен к лестнице, замирая от каждого шороха.

Сегодня в замке царило необычное оживление. Еще бы, ведь бал прервали неожиданным объявлением: война!

Крылатые гонцы, засветло выпущенные из королевской голубятни, уже несли нерадостную весть во все уголки страны.

За всю историю существования Энданы ее народу не раз приходилось отстаивать свою независимость, отбиваясь от желающих урвать кусок плодородной земли. И хотя последняя война случилась еще во времена правления Ноттана Храброго сто двадцать лет тому назад, до сих пор в государстве все дети в возрасте двенадцати лет проходили годовое обучение в ратных школах. Поэтому все энданцы умели как минимум стрелять из арбалета. Наиболее способных мальчиков оставляли учиться дальше. Девочек забирали домой. Подданные Аттиса слыли здравомыслящими людьми и справедливо полагали, что военная карьера — это совсем не женское дело.

Завтра глашатаи с утра протрубят сбор войск, и луга перед городом запестрят походными шатрами. Потянутся вереницы всадников и пеших воинов, прибавится работы у кузнецов и трактирщиков, затуманятся невеселыми мыслями женские глаза. Одно слово — война.

ГЛАВА 2

Большая лапа пробороzdила в соломенной подстилке денника глубокий след, подгребая ближе куриное крыло. Круглый оранжевый глаз грифона моргнул, присматриваясь к незванным посетителям, оседлавшим ограждение загона. Животное явно не одобряло приход поздних гостей, хотя от угощения не отказывалось.

Их высочества, устроившись верхом на двери большого вольера, делились едой с его обитателем — экзотическим подарком беглых варнабских послов.

Огромный зверь был очень хорош. Его мощное тело, словно броней, было покрыто плотным, темно-коричневым оперением, отливающим на свету рубиновыми всполохами.

Зверь был опасен: черный тяжелый клюв справился бы с любой кольчугой, а удар когтистой лапы сломал бы с одного удара лошадиный хребет.

Грифон снова моргнул и по-птичьи склонил голову набок, словно пытался высмотреть: а не завалился ли среди соломы незамеченный кусок угощения.

— Дай мне еще курицы, Эдвин! Я хочу подойти ближе. — Принцесса требовательно протянула руку, не отводя взгляда от животного.

— Не надо! Он тебя прихлопнет одной левой! Вон как

глазами сверкает! — поежился Эдвин, проследив, как грифон проглотил куриное крыло.

— Не прихлопнет! Они людей не едят, я читала.

— А он тоже читал? Может, он об этом не догадывается?!

И словно в подтверждение слов принца зверь, громко щелкнув клювом, с интересом посмотрел на детей.

— Ну, дай, не жадничай, я все равно подойду! — не испугалась заинтересованного взгляда Леа. Девочка перекинула ногу, перевернулась на живот и осторожно сползла вниз.

— Леа, не ходи к нему! — попробовал урезонить сестру принц, но безрезультатно — Леа сделала первый шаг к опасному зверю. — Вот демон... Ты упряма, как мул! — выругался Эдвин, спрыгивая следом.

Леа, не тратя времени на пустые раздумья, отобрала у мальчика остатки курицы и вытянула вперед руки, предлагая хищнику угощение. Затем медленно-медленно, стараясь не спугнуть собственную отвагу, маленькими шагами приблизилась к животному. Грифон, неторопливо, по-кошачьи потянувшись, встал и в ожидании пригнул голову. Несколько долгих секунд ребенок и опасный хищник смотрели друг на друга, потом грифон аккуратно снял клювом с ладошек девочки предложенный кусок, запрокинул голову и проглотил.

Леа, придвинувшись еще ближе, погладила бока животного:

— Эдвин, он такой, такой... — От охватившего ее восторга девочка не сумела подобрать нужные слова и попросила: — Ну погладь его!

Не желая уступать в храбрости сестре, мальчик бочком, вдоль стены, протиснулся к грифону и потрогал сложенное крыло:

— Какие огромные перья!

Грифон, свысока осмотрев назойливых гостей, как-то совсем по-человечески вздохнул и осторожно улегся на подстилку. Дети, осмелев, тут же залезли на него верхом. Принцесса, прижавшись щекой к шее зверя, зарылась двумя руками в перья и что-то тихо нашептывала ему. Мальчик, с удобством растянувшись на широкой, как стол, спине грифона, взирал на сестру сверху вниз немного снисходительно.

— Знаешь, Леа, — принц серьезно нахмурил брови, подражая отцу, — правду говорит Кэтлин — ты все-таки немножко ненормальная. Да и я тоже.

Леа повернула к брату совершенно счастливое лицо, и ее веселый смех колокольчиком раскатился под высокими сводами королевских конюшен.

* * *

Утро во дворце началось с переполоха. Пропали самые младшие члены королевской семьи. И если объяснение исчезновению принца еще могли дать открытая дверь и пропавший запасной ключ, то принцесса исчезла из запертой комнаты. Вопли ее няни, перемежающиеся с причитаниями о том, что этот ребенок кого угодно сведет с ума, привлекли внимание к пустым комнатам детей.

Особо никто не испугался — раз пустыми стояли две комнаты, значит, их высочества сообща устроили очередную шалость. Теперь главной задачей было вовремя выловить маленьких шалопаев, пока они что-нибудь не натворили. Опять-таки у родственников пропажи уже имелся определенный опыт, поэтому старший брат их высочеств, молодой принц Герэт, первым делом направился к конюшням. Зрелище, которое ожидало его у вольера для редких зверей, повергло в шок славного юношу, стоило только открыть дверь загона.

Опасный хищник неподвижно лежал на подстилке, поптычи растопырив крылья, чем напомнил его высочеству виденную в детстве наседку. Под крыльями животного, уютно прижавшись к его бокам, посапывали дети. С первого взгляда они выглядели весьма довольными... в отличие от взъерошенного зверя. Похоже, грифону, отягощенному заботой о двух «птенчиках», этой ночью отдохнуть не удалось.

Увидев Герэта, столбом застывшего у двери, он с видимым облегчением поднялся и осторожно пихнул клювом одного из спящих детей. Если судить по длине волос — Леантину.

Девочка подняла голову и, сонно щурясь, посмотрела на старшего брата. В дыбом стоящих спутанных кудрях принцессы застряла солома, мятую рубашку украшали пятна жира и грязи, но в целом ее высочество выглядела вполне здоровой.

— Герэт... А мы тут познакомились с Ветром. — Голос принцессы был сонным.

Девочка часто поморгала, как соенок, потеряла кулачками

глаза, затем встала, отряхнула одежду от прилипшего сена и несильно пнула спящего брата. Эдвин в ответ недовольно заворчал, но глаза все-таки открыл и, узнав в посетителе старшего брата, мгновенно вскочил на ноги. Стоит ли говорить, что внешне он выглядел ничуть не чище сестры.

Спросонья мальчик не очень хорошо понимал, где находится, но грозно нахмуренные брови наследника ничего хорошего не сулили — подзатыльник это как минимум. Его высочеству оставалось только надеяться на сестру и на ее умение крутить старшим братом так, как ей хочется.

Леа уже подбежала к сердитому юноше и ухватила за его рукав, пытаясь подтащить к грифону.

— Герэт! — Счастливый голос малышки заставил разглядиться лоб старшего принца. — Он сказал, что его зовут Ветер! Он такой хороший!

— Леа, разве грифоны умеют разговаривать?

Фантазия малышки заставила принца улыбнуться. Не мог он долго сердиться на эту проказницу — это знали все, в том числе и она сама.

— Нет, Герэт, ты не понимаешь! Он мне мысленно сказал. Он обещал меня покатасть!

Герэт содрогнулся, представив себе полет в поднебесье, и решительно подхватил девочку на руки — с нее станется, возьмет да покатается! Его сестренка умудрялась договариваться даже с жуками, каждый раз уверяя окружающих: «Он мне сказал, мысленно». Надо попросить отца, чтобы выделил слуг для охраны животного, а то в следующий раз Леа придется искать в облаках, а летать точно никто из семьи не умеет!

Пока шел этот занимательный разговор, Эдвин, решив не терять зря времени, успел под шумок проскользнуть мимо брата и удрать.

Наследник досадливо вздохнул, обнаружив пропажу.

Ничего, он еще успеет найти бессовестного негодника и прочитать ему нотацию о том, что порывы сестры надо сдерживать, а не потакать им! Да и Леа полезно будет послушать.

И вообще, лучше всего отвести непосед к матери, пусть она их воспитывает. Хвала богам, что Герэта пока не заставляют жениться, а то ведь родится похожее дитяtko, и не видать тогда покоя. Да и что он — нянька, ловить малышей?! Он мужчина! Его ждут меч и верный конь! Завтра утром пер-

вый полк выдвинется на позиции, и он, Герэт, дома не останется!

Вдохновенный геройскими мыслями, наследник доволь-но взъерошил кудри сестре и быстрым шагом направился вон из конюшни, насвистывая мелодию марша.

Грифон, глядя вслед уходящим людям, не потрудившись даже закрыть за собой дверь, длинно зевнул, пару раз махнул крыльями, с наслаждением растянулся на подстилке и наконец-то заснул.

* * *

Этим утром солнце совсем не торопилось взойти над столицей. Рассвет медленно, словно нехотя, смывал ночные краски города. На площадке Смотровой башни дворца застыла одинокая женская фигура, закутанная в длинный плащ. Холодный северный ветер тербил темные пряди волос, заставляя женщину зябко ежиться.

Ее величеству не спалось, она искала уединения. Конечно, одиночество в это время суток легко достижимо, но королеве казалось — в покоях ей не хватает воздуха, а невеселые мысли лезут в голову с удвоенной силой.

Энданская дружина покинула столицу десять дней назад, после ее ухода Награна замерла в ожидании. Даже ушлые городские воришки притихли. Ночью и днем улицы патрулировала городская стража, усиленная ополчением. Горожане приводили в порядок оружие, вспоминая заодно, как им пользоваться. И только стайки неугомонных детишек по-прежнему беспечно носились по улицам, играя в войну. Через день или два голубиная почта принесет первые вести, а пока...

Королева попыталась выдохнуть щемящую боль, возникшую в груди еще на балу. Хорошо, что повседневные заботы целиком занимали монаршее внимание: на время отсутствия супруга бремя правления легло на Роанну. Но в ночной тишине, раз за разом, одиночество и тревога одолевали королеву, лишая сна, гнали на башню высматривать крылатого гонца.

За спиной скрипнули петли, королева обернулась — в дверном проеме мелькнула лысина верного камердинера Аттиса.

— Ваше величество, завтрак подан.

— Иду, Кир, уже иду, — бросив последний взгляд на просыпающийся город, королева Роанна еще раз глубоко вздохнула, аккуратно подобрала подол и стала спускаться по кру-

той винтовой лестнице, не забывая внимательно смотреть себе под ноги.

Еще во время первой экскурсии на Смотровую башню Аттис подробно рассказал молодой супруге о судьбе одного из правителей, который этого не делал. В галерее его портрет висел пятым с краю. Сей достойный муж вошел в историю под прозвищем Вориш Хромой.

* * *

Поредевшая королевская семья собралась на завтрак не сразу: первыми за стол уселись перешептывающиеся Кэтлин и Энн. Пустое кресло отца, тревожно светящееся алым пятном атласного чехла, сразу притянуло к себе внимание принцесс. Девушки переводили с него на мать беспокойные взгляды, не забывая, впрочем, поглощать рогалики с вареньем.

Королева, задумчиво помешивая ложечкой в чашке с кофе, погрузилась в собственные мысли, не замечая ни окружающих, ни еды. И в этой повисшей тишине жужжание над вазочкой с медом невесть откуда залетевшей пчелы было самым громким звуком. Правда, недолго.

Сначала где-то громыхнуло, словно на пол полетел серебряный поднос, а потом в соседней комнате раздались громкий топот и смех.

Эти неуместные для тихого утра звуки заставили старших принцесс сурово сдвинуть брови и повернуть головы в ожидании появления виновников беспокойства. Они не заставили себя ждать: закрытые двери распахнулись, как от хорошего пинка, и неугомонная парочка вломилась в столовую.

Леа и Эдвин, вооружившись деревянными мечами, упоенно сражались. Слуги старались убраться с их пути, опасаясь оказаться задействованными в качестве щитов или в виде естественного препятствия и безвинно пострадать.

По-видимому, бой шел уже давно: лица детей покраснелись и блестели от пота. Сдаваться пока никто не собирался. На стороне Эдвина были возраст и сила, на стороне Леа — ловкость и изобретательность. Некоторое время дети кружили вокруг стола, не обращая ни малейшего внимания на грозные окрики старших сестер, а затем сошлись в поединке, скрестив клинки, и Леа, атакуя, со всех силенок врезала ребром своей деревяшки по оружию брата.

Дальше события хлынули лавиной. От сильного удара игрушечный меч мальчика, треснув, разломился на две части, верхняя половина игрушки, красиво вращаясь, пролетела над столом и рухнула в чашку Кэтлин. Фарфор, жалобно звякнув, раскололся, а его содержимое расплескалось, обильно оросив сидящих за столом мелкими брызгами и оставив темные пятна на одежде и скатерти. Увидев такие разрушения, Эдвин замер с раскрытым ртом, Леа воспользовавшись подходящим моментом, с торжествующим воплем: «Убит!!!» — сунула противнику под мышку меч, а королева, побледнев, закрыла лицо руками и, не говоря ни слова, выбежала из комнаты. В завершение переполоха больше всех пострадавшая от кофейной гущи, злая, как сто демонов, Кэтлин, не сдержав рвущуюся ярость, хлопнула ладонями по столу.

— Вы оба! — прошипела девушка и замолчала, пытаясь справиться со злостью. Когда она снова заговорила, тон принцессы был подобен зимней стуже в горах. — Как вы можете в *это* играть! Вы что, не видите, как маме плохо! Она и так постоянно думает, что отца и Герэта могут убить! — На этом гнев девушки иссяк, а глаза наполнились слезами. — Только посмотрите, во что вы превратили мое любимое платье!

ГЛАВА 3

Леа, сжавшись в комочек, сидела на кровати в своей комнате. Правая щека припухла и горела огнем, но принцесса не замечала боли, ее мучили другие мысли.

Это невозможно, сестра соврала, Герэт и папа не могут умереть!

Девочка видела смерть — в прошлом году она играла с ручным чижом, когда внезапно подкравшаяся дворцовая кошка поймала его в прыжке. Птицу отняли, но поздно. Трупик похоронили в саду, а маленькой принцессе объяснили значение слова «смерть». А еще через месяц во сне умер дедушка. Отец был печален, мама плакала. И глядя на то, как опускают в могилу дедушкин гроб, Леа поняла, что смерть — это скверно, потому что мертвые не возвращаются. И вот теперь Кэтлин сказала, отец и Герэт тоже могут умереть!

Потрясение от слов старшей сестры оказалось слишком велико: весь день девочка ходила тихая и молчаливая. Рано отпросившись спать, она сразу залезла под одеяло и замерла,

свернувшись клубочком. Правда, стоило няне выйти за дверь, оставив подопечную в одиночестве, как Леа села, дожидаясь, пока дворец затихнет.

Она не могла допустить, чтобы папа и брат ушли к каким-то предкам навсегда. И пусть только попробуют эти неведомые... как их там назвали... Исчадья Ады тронуть ее родных! Услышав шаги и щелчок поворачиваемой ручки двери, Леа снова нырнула под одеяло, притворившись спящей.

Королева осторожно подошла к кровати, склонилась над дочерью и зачем-то потрогала ее лоб. Леа дышала легко и ровно. Ее величество с минуту постояла — ей хотелось как-то утешить малышку, но решимости ради этого потревожить детский сон не хватило, — затем, поцеловав девочку, так же тихо ушла. Стоило матери шагнуть за порог, как ее неугомонный ребенок тут же открыл глаза и отодвинул в сторону одеяло.

Все! Проверка состоялась! Минут через десять можно выбираться из кровати, но пока надо полежать. На тот случай, если Рива вернется. И так нянька весь день косилась с подозрением на слишком молчаливую подопечную.

Леа повернулась на бок, устраиваясь поудобнее, и... не заметила, как заснула. Вот только от этого стало еще хуже — сон ей приснился очень страшный. Сон про то, как на большой равнине сходятся друг с другом две армии. Как несется впереди всех белый жеребец отца, как конь спотыкается и падает. Как отец лежит с открытыми глазами, а вокруг его тела растекается лужа крови, рядом валяются на землю мертвые люди, и среди них Герэт со стрелой в горле. На этом месте девочка закричала и... проснулась.

Комнату заполняли предрассветные сумерки. Некоторое время Леа просто лежала, тихо плача. Потом решительно вытерла кулачками глаза, отбросила одеяло и стала одеваться. Подобрав валяющийся на ковре деревянный меч, она осторожно повернула дверную ручку и облегченно вздохнула — отлично, ее забыли запереть!

Добежать до конюшни оказалось делом десяти минут, на то, чтобы в нее забраться, ушло и того меньше: нерадивые конюхи так и не закрыли окна!

Леа змейкой скользнула по стене, окунаясь в теплый запах стойла. Девочка несколько минут постояла, давая глазам привыкнуть к темноте, и уверенно двинулась вдоль денников. Отыскав нужную дверь, ее высочество пробралась к вольеру

грифона. Быстро справившись с непослушной щеколдой, Леа подбежала к спящему зверю и затеребила его:

— Ветер, проснись! Нам нужно лететь!

Грифон открыл глаза, нехотя поднялся, потоптался на месте, страхивая остатки сна, и на всякий случай заглянул в кормушку. Не обнаружив ничего съестного, он неодобрительно крикнул.

Принцесса тут же зашептала:

— Тихо, Ветер! Ну, пожалуйста, тихо! Если я пойду за едой, меня запрут! Потерпи немножко, мне очень-очень надо найти папу!

Глаза ее высочества заблестели от подкативших слез, и она всхлипнула. Грифон обреченно вздохнул, поняв, что спокойная жизнь закончилась, и легонько подтолкнул девочку к висевшей на столбе сбруе, подсказывая, что нужно делать. Леа тут же повеселела и, поднатужившись, сняла широкий ошейник. Животное послушно опустило голову, помогая принцессе его надеть. А вот с седлом у беглянки ничего не получилось — оно оказалось слишком тяжелым. Махнув в досаде рукой — мол, все равно седлать не умеет, — девочка потянула за собой грифона в сторону выхода. Сдвинула в сторону засов, широко распахнула двери и залезла на зверя, пожившись — зябкий утренний воздух заставил принцессу пожалеть о том, что на ней только легкое платьишко.

Грифон терпеливо выждал, пока Леа удобно усядется, несколько раз взмахнул крыльями, давая привыкнуть и крепче схватиться за ошейник.

— Ветер, нам надо лететь за армией! — Девочка подняла руку, указывая направление, куда ушло войско отца.

Грифон разбежался, сильно взмахивая крыльями, и взлетел. Встречный поток воздуха ударил беглянке в лицо, словно хотел остановить и вернуть на землю, а тело грифона, такое надежное, пока он стоял, неожиданно задвигалось, пытаясь выскользнуть из-под ног.

Леа в страхе зажмурилась, плотнее прижалась к Ветру, на некоторое время замерев. Она не видела, как мелькнул внизу дворец, как охнула от ужаса ее мать, разглядев седока на звере, как исчез из вида просыпающийся город.

Когда ее высочество наконец решилась открыть глаза, внизу простирались леса, время от времени чередующиеся с возделанными полями и маленькими городками. Солнце, еще по-

летнему жаркое, быстро согрело принцессу — она перестала дрожать и осмотрелась.

Теплый ветер, растрепав принцессе волосы, заставил ее жмуриться от удовольствия, что совсем не помешало девочке рассмотреть открывшиеся просторы: мир сверху выглядел удивительно разноцветным, как гномья мозаика из драгоценных камней. Это было так красиво, что сердце замерло от восторга, и Леа рассмеялась.

Однако полет принес не только удовольствие: довольно скоро девочка устала, а ближе к вечеру и вовсе выбилась из сил. Ей стало тяжело удерживаться на гладкой спине, заболели руки и ноги, начала кружиться голова. Путешествие уже не веселило принцессу, ей хотелось домой, к маме и брату. Ее высочество обрадовалась бы даже вредным сестрам. Только упрямство и страх за отца не позволили Леа вернуться обратно. А мудрый зверь, который мог лететь всю ночь напролет, только покосился оранжевым глазом на всадницу и зашел на посадку, выбрав для ночлега подходящую полянку. Он приземлился, пробежав галопом с десятков ярдов, остановился и осторожно улегся на траву, давая Леа слезть.

За время полета ее мышцы затекли и одеревенели, любое движение теперь давалось через боль. Леа хватило сил только для того, чтобы дотрестись до кустиков по нужде. Потом она растянулась на земле и заснула, привалившись к теплому боку грифона.

На рассвете принцесса проснулась от холода. Ветер лежал шагах в пяти, с аппетитом уплетая пойманного зайца. Желудок Леа тут же настойчиво потребовал еды, и девочка отправилась побродить вокруг поляны. Ей удалось найти заросли дикой малины. Через полчаса, исцарапанная, но вполне довольная принцесса снова залезла на свое животное.

* * *

Высоко в поднебесье звенела песня жаворонка, осыпаясь вниз хрустальными колокольцами. Стрижи без усталости носились друг за другом — им не было дела до людских проблем. А внизу, на большом поле, заросшем белым и розовым клевером, замерли друг напротив друга две армии. Воины уже оголили оружие, лучники достали стрелы и наложили их на те-

тиву. Еще миг, и люди рванутся навстречу друг другу, сойдутся в страшном бою, а пока...

Аттис обернулся, ища взглядом сына, — правитель хотел, чтобы Герэт был на виду. Король уже собирался отправить к принцу оруженосца, когда вздох изумления пронесся над рядами обеих армий. Аттис, подняв голову, удивленно моргнул.

Над травой пронеслась большая крылатая тень, и точно посреди поля приземлился грифон. Сначала монарху показалось, зверь прилетел один, но потом Аттис увидел, как со спины животного слезла маленькая девочка и решительно двинулась в сторону противников энданцев.

— Ребенок? Откуда? — удивился король и прищурился, сиюсья рассмотреть малютку.

— Отец, это же Леа! — Отчаянный крик старшего сына вывел короля из неподвижности, заставил сердце гулко стучать о ребра от страха.

Его дочь, бесстрашно сжимая в руках игрушечный меч, не оглядываясь, шла одна на вооруженное войско. Аттис, пришпорив коня, понесся ей наперехват, за ним поскакала охрана. Принца успел удержать наставник, перехватив поводья его коня.

— Леа, остановись! Не смей!!!

Крик правителя Энданы заставил принцессу замедлить шаг, но слишком поздно: к ней уже примчались с десяток конных воительниц. Одна из всадниц, спешившись, остановилась перед девочкой, вторая занесла над ее головой меч, давая понять энданцам, что убьет ребенка в случае опасности, остальные кружили, не позволяя никому приблизиться.

Аттис резко осадил коня, отдав своим воинам короткий приказ не двигаться. С отчаяньем правитель был вынужден в бездействии наблюдать за происходящим, ощущая себя самым беспомощным и несчастным человеком в мире.

Леа со страхом рассматривала стоящую перед ней воительницу. Легкий с золотой насечкой шлем частично скрывал лицо женщины, короткая туника, до середины бедра закрытая кольчугой, оставляла на виду мускулистые загорелые ноги. Из вооружения у иноземки — короткий меч и круглый щит с инкрустацией, а за поясом метательные кинжалы.

«Знатная женщина!» — решила для себя принцесса и церемонно поклонилась, как равной. Чужеземка посмотрела на

девочку, словно на неведомого зверька, с насмешливым интересом.

— Кто ты, дитя? — спросила воительница на чистом энданском языке со столичным выговором.

От неожиданности девочка, забыв, что хотела сказать, честно ответила:

— Принцесса.

Женщина рассмеялась:

— Принцесса Леа, вероятно?

Ее высочество насупилась, она очень не любила, когда над нею потешались незнакомые люди.

— Я — Леантина Веллайн Ромна, младшая дочь мудрого правителя славной Энданы Аттиса Второго и его супруги Роанны Красивой, — звонко отчеканила принцесса, не забыв спросить о главном: — А вы и есть Исчадье Ады?

Воительница поперхнулась от неожиданности.

— Великая мать всех богов... Это кто же тебя таким словам научил, деточка? — поинтересовалась она.

— Вы или не вы? — даже не подумала смутиться принцесса.

— Наверное, я, — решила женщина.

Леа судорожно вздохнула, потом выставила вперед свое смешное оружие и тихо, но решительно сказала:

— Я не дам вам убить папу и Герэта!

— Отважная птичка, — усмехнулась женщина и повернулась к той, что держала меч над головой Леа: — Что скажешь, Арзила?

Всадница, внимательно рассматривавшая все это время малышку, что-то быстро сказала на незнакомом языке. Вероятно, ее ответ сильно удивил собеседницу девочки.

— Ты уверена? — уточнила она по-эндански. Женщина кивнула. Воительница еще немного помедлила, что-то решая для себя, а потом спросила: — Ну, ваше высочество Леантина Веллайн Ромна, младшая дочь мудрого правителя славной Энданы Аттиса Второго и его супруги Роанны Красивой, что вы готовы сделать для того, чтобы ваши родные остались живы?

Леа, опустив меч, с надеждой посмотрела женщине в лицо.

— Все, Исчадье Ады.

— И ты согласна жить у меня до шестнадцати лет?

— Так долго? — охнула девочка. Ее губы задрожали, глаза наполнились слезами, казалось, она ударится в плач, но в

следующее мгновение младшая дочь короля Энданы, справившись со своим горем, твердо сказала: — Я согласна! — А потом сбавила тон до шепота: — Только папе надо сказать.

Теперь Леа осмелилась оглянуться. Застывшее лицо отца, лишенное чувств, ничего не выражало, но девочке показалось, он постарел на много лет.

— Мы уж сами как-нибудь скажем, — усмехнулась всадница, махнув рукой своим воинам. Конский строй разомкнулся, и Аттис смог подъехать к дочери. — Ваше величество, — всадница сняла шлем, открыв молодое лицо, — я — Санага, царица народа азанагов, пришедших из страны Сангана, согласна подписать с вами мирный договор и не нарушать более границ Энданы, если ваша дочь — принцесса Леантина — останется на воспитание среди моего народа до достижения своего совершеннолетия.

Синие ласковые волны океана разбиваются о черный песок островов. На склоне горы раскинулся прекрасный мраморный город, утонувший в зеленых садах. Белоснежные вершины гор закутаны в пушистые шубы облаков.

Взгляд жрицы, словно чайка над океаном, скользит по этому великолепию.

Прекрасна родина азанагов, нет на земле второго такого места. Но тревожен сон жрицы. Наползают черные тучи и меняют цвет гор. Рушатся колонны зданий, крик людей стоит над островами. Огонь поглощает цветущие сады. Огромная волна сметает все со своего пути, скрывая в пучине землю, которую считал родиной свободный народ азанагов. И слышит предупреждение жрица: «У вас есть пять лет».

Снова меняется сон. Две девушки, спина к спине, сражаются на поле брани. Одна из них — из народа азанагов, а другая... Нет среди азанагов таких светловолосых, и синих глаз не бывает у детей Омари. Но даром богов отмечена эта девушка, и сражается она так же, как жительницы островов.

Крутятся, сменяя друг друга, картины боя.

С трудом поднимается с ложа богини жрица. Удары сердца отдаются в висках. Дрожащей рукой отвергает провидица предложенное питье.

Все ясно сказала богиня. Ее народу дано пять лет, чтобы найти новую родину или погибнуть.

А еще через четыре года во время обряда обращения к Ве-

ликой богине узнает жрица в маленькой дочери правительницы азанагов темнокожую воительницу из видения. Вот только где искать вторую? Ведь без нее погибнет будущая царица от удара меча.

* * *

Почтовый голубь принес неожиданные новости: войны не будет, младшая принцесса Леа оставлена заложницей у воинственных женщин на десять лет в обмен на мир и спокойствие.

Через пару недель войска вернулись домой, и все встало на круги своя. Почти все. Во дворце воцарилось уныние, притом, похоже, надолго.

Королева, закрывшись в своих покоях, плакала, обвиняя себя в том, что не смогла сдержать чувств, подтолкнув дочь к побегу.

Кэтлин горько рыдала, мучаясь совестью приблизительно по той же причине.

Герэт проводил время в тренировочных залах с наставником, вымещая в учебном бою всю свою ярость. Принц злился на невозможность повернуть время вспять.

Эдвин не плакал, мужчинам не подобает плакать, но также закрылся в своей комнате и, расстреливая из рогатки игрушечных солдат, переживал, что уж он-то просто был обязан догадаться, что сделает сестра.

В чем винулся король, тоже понятно. Как можно объяснить себе и любимой женщине, что это правильно — позволить ценой свободы дочери купить спокойствие своей страны? Что сказать сыну? И как самому не вспоминать каждую минуту, что, возможно, ему не суждено увидеть малышку долгие десять лет!

Его величество старался не покидать кабинет, нагружая себя всевозможными делами. Слуги и придворные разве что на цыпочках не ходили и разговаривали громким шепотом, как в доме тяжелобольного.

Жизнь не желала налаживаться. И только Энн глубокомысленно заметила, что это лучший поступок Леа за все годы ее жизни.

Еще через две недели в дворцовые ворота въехал мужчина на усталом коне. Бросив поводья первому попавшемуся слуге, он напрямик направился в кабинет правителя. Остановить его не посмели и даже докладывать не стали — у слуг

имелся четкий приказ монарха пропускать его брата Риккведа в любое время суток.

Командир «невидимых» застал государя сидящим за столом, заваленном бумагами. Глаза короля были красными от недосыпания. Увидев брата, Аттис встревоженно заглянул ему в лицо в поиске ответа на мучивший вопрос.

— С ней все в порядке, — ответил его светлость и принялся возиться с застежкой плаща.

— Давай позовем Роанну, а то сам я ей рассказать не смогу. — Король горько усмехнулся: — Даже живу теперь в кабинете. Боюсь жене в глаза смотреть.

Рикквед нахмурился:

— Глупостями занимаешься. Выбора у тебя не было. В противном случае они просто убили бы Леа. А так живая, пусть и далеко. Войну мы, конечно, выиграли бы, но большой кровью. И совести у тебя нет, разве можно бросать женщину в одиночестве в такое время?

Король хотел возразить, потом, махнув рукой, вызвал слугу и приказал передать ее величеству, что ждет ее в кабинете. Следующие десять минут братья провели в молчании. Рикквед курил трубку, а король в нетерпении метался из угла в угол.

— Сядь, Аттис, а то у меня уже в глазах рябит, — поморщился Рикквед.

Его величество резко повернулся, чтобы сказать что-нибудь злое, но, увидев, какой усталый и измотанный вид у брата, только спросил:

— Ты сколько дней не спал? Свалился бы где-нибудь по дороге.

— На себя сначала посмотри, — посоветовал командир «невидимых».

Король открыл было рот, чтобы возразить, но в это время дверь распахнулась: в кабинет, один за другим, вошли все члены королевской семьи.

Глядя на лица обеспокоенных родственников, Рикквед счел за благо повторить:

— С ней все в порядке!

Королева всхлипнула, не в силах справиться с охватившим ее напряжением. Аттис тут же подошел и обнял жену, утешая и гладя по голове, как маленького ребенка.

Уставший с дороги Рикквед, не желая затягивать встречу, подождал, пока все рассядутся, и начал свой рассказ.

После того как принцессу увезли, энданец тенью следовал за возвращавшимся в Варнабу войском. Девочка ехала попеременно то с царицей Санагой, то со второй женщиной — Арзилой, оказавшейся Верховной жрицей азанагов. С ее высочеством обращались хорошо, не обижали. По приезде в столицу Варнабы — Орамбим девочку отвезли в бывшее поместье Верховного жреца бога Хаара. За попытку поднять восстание у жреца конфисковали в казну все имущество, а в поместье устроили военную школу для детей.

Принцессу поселили вместе с другими воспитанницами ее возраста. Благодаря хорошему знанию города в общем и поместья в частности Риккведу удалось поговорить через окно с Леа. Правда, второй раз это может не получиться, лазутчика заметили, когда он выбирался из храма.

Принцесса расстроена, но держится хорошо. Просила сказать, что всех любит, и велела напомнить его высочеству Эдвину про коробку у нее под кроватью.

После этих слов у младшего сына Аттиса глаза стали совершенно круглыми, и он выбежал из кабинета.

Его величество, извинившись за временный перерыв, вызвал воспитателя Эдвина и приказал поискать в комнатах их высочеств мелкую живность.

Это небольшое происшествие немного разрядило обстановку. Королева перестала всхлипывать, у Кэтлин высохли глаза, а Герэт и Энн поспорили о том, кого найдут в коробке.

В завершение рассказа Рикквед заявил, что по окончании этой школы будет рад видеть Леа не только дома, но и в рядах «невидимых», если, конечно, его величество разрешит.

На невысказанный вопрос королевской четы Рикквед пояснил, что все азанаги без исключения в совершенстве говорят на трех, а то и больше языках, прекрасно владеют всевозможным оружием, хорошо образованны и прочее-прочее-прочее.

А когда Герэт наивно поинтересовался, как дядя это успел узнать, Рикквед лишь подмигнул племяннику и сказал, что была такая возможность. И тут же не к месту добавил, что малое число мужчин у этого народа связано с их низкой рождаемостью. Соотношение у новорожденных: на сто девочек — один мальчик. В остальном соседи из них получатся не хуже, чем были, а может, и лучше, потому что рабство у азанагов запрещено.

— Что ж им дома не сиделось, таким хорошим? — мрачно полюбопытствовал Герэт.

Рикквед в задумчивости выпустил кольцо дыма:

— Да я сам не очень понял, а возможности уточнить не представилось, но, кажется, дома у них просто не осталось, — и, не дождавшись хоть какой-то реакции на свои слова, добавил: — Да, вот еще что: как только принцесса выучит язык азанагов, ей разрешат писать письма домой.

ГЛАВА 4

Леа сидела на кровати, сжимая в руках медальон с портретом родных. По ее лицу безостановочно катились слезы.

Перед энданской принцессой кривлялась нахальная черноволосая девчонка, она дразнилась на чистом энданском и гримасничала:

— Плакса! Принцессочка — плакса! Нос сопливый, ум куриный! Крыска болотная, бьель белая!

Остальные ученицы стояли поодаль и смеялись, поддерживая предводительницу. Черноволосая неожиданно ловко выхватила из рук Леа медальон:

— Ой-ой-ой, а кто у нас тут нарисован? Еще целая кучка таких же... плакс?

Ох, зря она это сделала. Слезы Леа моментально высохли, и не успела вредная девчонка опомниться, как получила кулаком в глаз. Да так, что не смогла устоять на ногах и полетела на пол, приложившись лопатками о камень.

Леа, пользуясь моментом, пока противница беззащитна, забрала украшение, повесила его на шею и приготовилась защищать свое добро: девчонка, придя в себя, поднималась, явно желая подраться. Через мгновение Леа и незнакомка покатались по полу, сцепившись. И еще неизвестно — на чьей стороне оказалась бы победа, не войди в комнату наставница. Она разняла дерущихся, грозно рявкнула на остальных девочек и потащила воительниц прочь, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Вскоре нарушительниц спокойствия закрыли в маленькой комнате, где из мебели стояли только две деревянные кровати.

Леа замерла у входа, настороженно наблюдая за врагом.

Ее противница, со вздохом шлепнувшись на кровать, неожиданно беззлобно сказала:

— Что стоишь? Садись! Поговорим.

— Драться не будешь? — Леа осторожно облизнула разбитую губу.

— Нет, не буду. Нас здесь на неделю заперли, чтобы мы познакомилась как следует и больше не дрались, — тоном бывалого солдата заявила черноволосая.

— Ты что, здесь уже была? Откуда знаешь? — по-прежнему топталась на пороге принцесса, готовясь дать сдачи если что.

— Была, — вздохнула девочка. — Если мы сейчас снова подеремся, то просидим не одну, а две недели. Так что давай, не стесняйся.

Для убедительности она похлопала по дереву.

Леа, присев на край кровати, выжидающе посмотрела на драчунью. Та, потрогав наливающийся синяк, поморщилась:

— Здорово ты меня приложила. Кто научил?

— Брат...

— У тебя есть брат?!

Восторженный вскрик нахальной чужеземки заставил ее высочество немного отодвинуться: кто знает, что на уме у этой ненормальной? Но показывать свой страх малышка не стала, ответив с достоинством:

— Да, двое, Герэт и Эдвин.

— Здорово! А не врешь?

Леа отрицательно помотала головой:

— А что — это редкость?

— Еще какая! — кивнула черноволосая, а потом, спохватившись, представилась: — Гуалата, дочь царицы Санаги.

— Ты тоже принцесса? — осторожно удивилась Леа.

Поведение новой знакомой ну никак не укладывалось в те правила, что внушала каждый день ее высочеству няня.

— Не-е, я — царевна! — снова потрогала синяк «неправильная» Гуалата.

— А почему ты живешь здесь, а не во дворце? — Леа с любопытством разглядывала свою новую знакомую.

Девочка была приблизительно ее роста, но крепче. Смуглая до черноты кожа, темно-серые глаза, стриженные прямые волосы. Из одежды, как у всех учениц, короткая туника из грубой ткани, легкие кожаные сандалии и смешные штанишки. Таких коротких штанов Леа еще не видела.

Царевна с недоумением покосилась на энданку:

— У нас все девочки, кроме немощных, живут с шести лет в школах.

— А мальчики?

Гуалата вздохнула:

— Их у нас мало. Они тоже живут в школах, только при храмах. Нас готовят как воинов, а их как жрецов и только в крайнем случае как воинов.

— А как же Арзила?

— Великая мать, ну ты сравнила... У нее же *дар*! Все, у кого есть дар, становятся жрицами.

И хотя принцесса не поняла, что такое дар, спрашивать она не рискнула, боясь показаться глупой.

— Гуалата, научи меня говорить по-вашему, — попросила она. — Мне тогда разрешат письма домой писать.

— Ладно. А ты покажешь мне медальон? Там нарисована вся твоя семья?

— Нет, у меня еще дядя есть и две тети, только они далеко живут, и я их не вижу.

Гуалата с уважением посмотрела на Леа:

— Как много в вашей семье мужчин, — и тут же перескочила на другое: — А почему ты не сменила эти тряпки?

Девочка с интересом потянула за край шелкового платья принцессы.

— Это не тряпки! — с обидой поджала губы энданка, выдернув ткань из цепких рук царевны.

Ну как объяснить, что это — память о прошлой жизни?! Что если его снять, то останется только медальон! А она говорит — тряпки.

Принцесса снова посмотрела на платье и только сейчас заметила, что оно в нескольких местах рваное и все в грязи и выглядит... как лохмотья. Леа подняла взгляд на собеседницу и тихо прыснула. Через секунду обе девочки заливисто хохотали, валяясь на кроватях.

Воспитательница, остановившаяся у двери, с удовольствием прислушалась к внезапному веселью. Похоже, забияки подружатся. Если это так, то головной боли у учителей прибавится, но жрица останется довольна.

Неслышным шагом женщина отошла от двери и отправилась проверять комнаты остальных девочек.

Следующая неделя прошла для принцессы в напряженных тренировках и уроках. Несмотря на наказание, занятий никто

не отменял. Запретили только приятное: игры в саду и сладкое. Иногда Леа казалось, что завтра она не встанет: мышцы так болели, что каждый шаг давался с трудом, а голова пухла от новых знаний, потоком обрушившихся на принцессу.

Чего ей только не приходилось учить: сразу три новых языка, историю всех известных асанагам народов, математику и много-много другого. К тому же правила менять ради знатной заложницы асанаги не собирались, и обучение велось на чужом для нее языке, который энданка понимала с пятого на десятое.

Леа даже во сне снилось, что она учится. Если бы не новая подруга, пересказывавшая после уроков все заново, ее высочеству пришлось бы очень туго. К счастью, у Гуалаты оказался удивительно бесшабашный и веселый нрав, рядом с нею все невзгоды казались мелкими и смешными. Вскоре заложница начала потихоньку привыкать к новому укладу.

В конце первой недели жизни принцессы в школе прилетел грифон. Он приземлился в саду, огласив округу пронзительным криком, и собрал вокруг себя целую толпу любопытных учениц. Хорошо еще, что наставница, наслышанная о приключениях новой воспитанницы, сообразила позвать девочку, иначе учеба в этот день пошла бы... грифону под хвост!

Леа обняла зверя за шею и долго стояла, не обращая ни на кого внимания. Ей казалось, что так она становится ближе к своим родным.

Грифона определили под навес, выделили ему паек, и теперь все свободное время Леа и ее новая подруга проводили с Ветром. Девочки возились с его перьями, таскали зверю сбереженные после обеда лакомства, гладили крылья и тяжелые, мощные лапы. Жаль только, что кататься на животном детям категорически запретили под страхом изгнания Ветра обратно в Эндану.

Нужно ли говорить, что дружба с таким удивительным существом значительно прибавила принцессе уважения в глазах других воспитанниц.

Когда наказание закончилось, заложницу поселили в комнату, где жила Гуалата и еще три девочки. Сначала Леа было непривычно, но постепенно принцесса притерпелась к большой компании. К слову сказать, это оказалось намного весе-

лее, чем жить одной. Чего только стоили страшные сказки, которые царевна азанагов рассказывала подругам на ночь. Разве от няни таких дождешься?

Дни сменяли друг друга, и Леа постепенно втянулась в напряженный ритм школы. Тоска по дому отодвинулась куда-то глубоко в сердце, девочка, приняв разлуку как должное, перестала беззвучно плакать по ночам. Постепенно ее тело стало гибким и сильным, полученные на тренировках синяки зажили. С помощью подруги Леа научилась бегло говорить на азанагском языке, и теперь уроки давались намного легче. Письмо домой заложница отправила уже в конце первого месяца.

Казалось, жизнь покатила по проторенной колее, но однажды утром наставница отвела девочку в свой кабинет. Там у окна стояла женщина. Леа сразу узнала в ней Верховную жрицу. Только служительницы богини носили такие длинные, перехваченные под грудью поясом, красиво задрапированные платья. И только у Верховной жрицы был изумительной резьбы посох, заканчивающийся шелково мерцающей рукоятью из огромного сапфира.

* * *

— Ийаду Арзила, — наставница склонила голову в почтительном поклоне, — я привела девочку!

Арзила повернулась, с любопытством разглядывая Леа.

За прошедшее время принцесса изменилась: она коротко обрезала волосы, повзрослела, вытянулась и... перестала бояться. Заложница теперь отличалась от других учениц только цветом волос и кожи.

Верховная жрица чуть улыбнулась, встретив полный любопытства взгляд малышки.

— Леа, я хочу кое-что тебе предложить. Можешь отказаться, силой никто принуждать не будет. Дома тебя считают заложницей, но для всех нас ты просто воспитанница, — не стала тратить время на приветствие провидица.

— Разве воспитанниц принуждают здесь жить? — дерзко вздернула подбородок энданка.

— У них просто нет выбора, как и у тебя. — Жрица мягко опустила в кресло и улыбнулась. — С тобой плохо обращаются?

— Нет, — смутилась девочка. Ей вдруг стало неловко от того, что она ведет себя как невоспитанное дитя.

— То, что я хочу предложить, проходит каждый ребенок азанагов перед поступлением в школу, — словно не заметив покрасневших щек Леа, продолжила жрица. — Ты — принцесса Энданы и не обязана соглашаться с моим предложением, но я все равно прошу тебя пройти обряд обращения к Великой богине Омари. Он дает знание твоей сущности.

— Это тот обряд, про который мне говорила Гуалата? — Глаза энданки зажглись любопытством.

В один из вечеров подруга живописала это обращение. А так как царевна, отличаясь богатым воображением, была мастерица приукрасить, повествование получилось восхитительно волшебным и страшноватым.

— Но он же... Вы же его проводили в храме на островах? И где вы возьмете статуи? — вспомнила подробности девочка.

Жрица рассмеялась:

— Я смотрю, царевна уже успела все рассказать! Тем лучше. Так ты согласна?

Леа задумалась и спросила:

— Вы же не сделаете меня жрицей и не оставите навсегда у себя?

Арзила, погладив девочку по кудрявой макушке, отрицательно качнула головой:

— Нет, Леа. У тебя есть свой народ и свой путь, а с нами ты только пересеклась на время. Так что?

— Я согласна! — серьезно кивнула принцесса и спросила: — А когда?

— Тебя отвезут в храм завтра рано утром.

* * *

Зима в Варнабе, как и на юге Энданы, была мягкой. Деревья не теряли листвы, а урожай знаменитых варнабских сочных хойя созрел только к последнему дню уходящего года.

Страна, завоеванная пять лун тому назад, уже приноровилась к переселенцам, подладилась под новые законы. Потянулись обратно беженцы. Жизнь крестьян, ремесленников и купцов хуже не стала. Бунтовать пытались только аристократы и торговцы рабами, но для смутьянов у азанагов всегда находился острый меч. Новая правящая каста расправля-

лась с врагами решительно, не тратя время и силы на излишнее милосердие.

Проезжая по пустому сонному городу верхом на маленькой кобылке, девочка с интересом смотрела по сторонам. Под лошадиными копытами влажно чмокала грязь, с неба моросила противная водяная пыль, оседая на теплом плаще и лице мелким бисером, но все равно поездка доставляла принцессе огромное удовольствие.

Заложница не бывала за пределами школы с начала осени: ученицам не разрешали выходить в город до конца второго года обучения, считалось, что только с того времени девочки могут себя защитить.

Принцесса впитывала новые впечатления так же жадно, как впитывает воду морская губка, — Орамбим сильно отличался от родных краев энданки. Толстые глинобитные стены, ограждавшие жилища, делали их похожими на маленькие крепости с узкими, словно бойницы, окнами. Чаше дома стояли друг к другу так плотно, что по их крышам можно было пробежать из начала квартала в конец, ни разу не спустившись на землю.

Вскоре одноэтажные белые мазанки окраин сменились на украшенные яркой глазурированной плиткой особняки, и копыта лошадей звонко зацокали по мозаичной мостовой. Навстречу всадницам стали попадаться спешащие на базар с гружеными тележками торговцы, закутанные от непогоды в плащи по самые уши. Один из этих ранних прохожих, поравнявшись с Леа, неожиданно и бесшумно скользнул к девочке и сунул ей в руку что-то маленькое и круглое. Через мгновение он оказался уже в стороне. Это движение было настолько мимолетным, что наставница юной заложницы его даже не заметила.

Леа тут же украдкой разжала ладошку и чуть не повернула свою лошадь обратно.

Орехи из северных лесов Энданы! Только один человек приносил ей такие подарки! Ее дядя! Именно он прошел сейчас мимо! Значит, Рикки по-прежнему в Орамбиме и присматривает за ней!

Конечно, Леа писали и мама, и отец, и Герэт, и Эдвин, и даже Кэтлин с Энн, но одно дело получить письмо и совсем другое — увидеть хоть кого-нибудь из родных!

Леа вывернула голову назад под невыслышим углом. Одинокая фигура, отделившись от стены, махнула ей рукой. Ее

высочество спрятала орехи в карман плаща и дальнейший путь продолжила, счастливо улыбаясь.

Молодая жрица встретила принцессу у дверей небольшого, только что отстроенного храма. Он находился в глубине кипарисового сада летней резиденции бывшего правителя Варнабы.

— Здравствуйте, ийаду, — слегка присела в принятом у азаногов приветствии девочка.

— Доброе утро, ваше высочество, — доброжелательно улыбнулась девушка. — Верховная жрица ждет вас. Идемте.

Следуя за проводницей, Леа прошла через большой безлюдный зал и очутилась в святилище храма, таинственном и погруженном в полумрак. Когда глаза заложницы привыкли к темноте, она смогла рассмотреть его красивое убранство.

Прямо напротив двери, у стены, стояла двухметровая статуя богини Омари. Лицо и взгляд богини были обращены к входящим. Она улыбалась, и девочке показалось, что эта улыбка предназначена именно ей, Леантине. Неизвестный мастер сумел вдохнуть жизнь в кусок розового мрамора: казалось, еще мгновение, и Омари заговорит.

Справа и слева у стен, в нишах, находились несколько статуй высотой в человеческий рост. Дети Великой богини.

Первой слева стояла, сжимая меч, грозная Оне, богиня воинов. Следующую нишу занимала скульптура юной девушки, на руках которой застыл незнакомый Леа зверек, похожий на горную куницу, только в три раза больше. Это — богиня Берника, покровительница природы. Справа от великой богини поставили Седу — покровительницу алхимиков и колдунов. И в последней нише — статую единственного сына богини — Геда. Судя по рассказам Гуалаты, Гед был несколько ветреным, но добрым богом. Во всяком случае, свои молитвы юная царевна адресовала в основном ему, и звучали они несколько панибратски.

В центре святилища находилось богато инкрустированное полудрагоценными камнями ложе из полированного темного дерева. Его окружали четыре серебряных треножника с пустыми храмовыми блюдами наверху. У ног Великой богини чадила ароматным дымком изящная золотая курильница.

Все, как в рассказах Гуалаты. Не хватало только гирлянд из цветов, да на облицовку стен пошел не черный, а белый мрамор.

мор. Но это и понятно — невозможно увезти морем весь храм целиком, взяли только самое ценное.

Удовлетворив свое любопытство, принцесса уже хотела отправиться на поиски Верховной жрицы, но заметила ее скромно стоящей у одной из стен.

Леа покраснела — это надо же так увлечься и не заметить приход человека! И невежливо, и недостойно будущего воина, ведь на месте Арзилы мог оказаться человек с недобрыми помыслами. Вот позорище — учили Леа, учили, и нате вам, такой конфуз! Хороша ученица, слов нет. Хвала богам, что наставницы здесь нет, а то не избежать бы тогда Леа вечерней нотации.

Арзила мягким кошачьим шагом подошла к девочке.

— Ты готова? — Взгляд черных глаз жрицы был спокоен и непроницаем.

Девочка кивнула:

— Да, уважаемая ийаду.

— Ты знаешь, что должна сделать?

— Да. Наставница рассказала, — подтвердила девочка, снова кивнув головой.

Где-то в глубине храма родилась и долетела до святилища тихая музыка: одинокий чистый голос пел о Великой богине Омари, спасшей своих детей — народ азанагов — от неминуемой гибели. Леа, следуя за Арзилой и вторя ее речам, обошла святилище, поклонившись всем статуям. Заполнила черным вулканическим песком из ритуального сосуда блюда серебряных треножников.

Высокий голос певицы и монотонный речитатив молитв заморозил девочку, заполнив все тело подчиняющим ритмом. Леа села на ложе и протянула вперед руку. Верховная жрица одним движением обсидианового ножа кольнула ее палец и осторожно сцедила несколько капель крови в кубок с вином. Дала пригубить вино девочке, сама сделала глоток, оставшимся окропила песок на треножниках и курильницу, а потом, опустившись на колени перед статуей Великой богини, замерла, продолжая читать молитвы.

Питье девочке понравилось, оно было густое, теплое, с привкусом земляники.

Леа легла на спину: от музыки, вина и горького аромата трав, дымящихся в курильнице, у принцессы кружилась го-

лова. А затем пришло ощущение чужого внимания — Леа показалось, что статуи смотрят на нее.

Так не бывает! Они же каменные!

Ее высочество затаила дыхание.

Нет, действительно смотрят! Вон Гед даже подмигнул.

Леа моргнула, а потом увидела, как спрыгнул с рук улыбающейся Берники зверек и залез на треножник. Девочка попыталась повернуть голову, чтобы увидеть жрицу, но неожиданная тяжесть только плотнее придавила ее к гладкому дереву, не дав отвести взгляд.

Зверек оставил на блюде что-то блестящее и, пройдясь влажным холодным носом по руке девочки, вернулся к хозяйке.

Тем временем остальным статуям тоже не стоялось спокойно: Оне, вытащив из-за пояса нож, метко кинула его во второе блюдо, кивнула ребенку и замерла. Седа та вовсе сошла со своего места, подошла к лежащей девочке и заглянула ей в глаза.

Это было так странно — смотреть в глаза богине. Они оказались не мраморными и белыми, как можно было ожидать от статуи, а живыми, настоящими глазами янтарного цвета с вертикальным зрачком.

Это было так страшно, просто невозможно страшно, но девочка не отвела взгляда, и богиня, усмехнувшись, тоже что-то положила в треножник.

А вот Гед действительно оказался самым легкомысленным, он спрыгнул с помоста, приветственно махнул рукой сестрам и чмокнул в лоб девочку. Что уж он там оставил в блюде, принцесса не разглядела. Ее мысли окончательно спутались, комната завертелась, и Леа закрыла глаза, отдыхая от круговерти. Перед внутренним взором хороводом мелькали лица богов, и откуда-то издалека доносился голос Гуалаты, рассказывающей, что если есть *дар*, то бог снизойдет.

«Ерунда, — решила принцесса. — Это просто бред».

Чтобы получить дар, надо быть одной из азанагов, иначе никак... Не могут же боги одарить человека из чужого для них народа.

«Точно бред», — окончательно решила девочка и провалилась в сон.